6. Миронова Т.Л. К вопросу о ценностных ориентациях русскоязычного населения Бурятии // Гражданская и профессиональная идентификация в региональной системе обучения: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. – С. 92-104.

7. Миронова Т.Л., Александрова Л.В. Исследование ценностных ориентаций у лиц с соматическими заболеваниями // Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы: материалы тринадцатой междунар. науч.-практ. конф./ под ред. А.Д. Карнышева. – Иркутск: Репроцентр А 1, 2012. – С. 223-234.

8. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Теоретическая психология. – М., 2003.

9. Психология. Словарь / под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990. – С. 182-183; 442-443.

10. Чойбонова Б.М. Ценность традиции в современной культуре бурят // Человек, культура и общество в изменяющемся мире. – Ч. 2. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. – С. 94-96.

УДК 271.2-86-53

doi: 10.18101/978-5-9793-0771-8-234-239

© Н. С. Мурашова

Терминологические обозначения духовного стиха в старообрядческой среде*

В целях определения содержания термина *духовный стих* автор обратился к его интерпретации в исполнительской среде. Систематизированы понятийные категории, применяемые старообрядцами для образцов внебогослужебного духовного пения. На основе анализа народной терминологии определен жанровый состав духовного стиха, включающий произведения фольклорного происхождения ранней эпической и поздней лирической традиций, покаянные стихи, *псалмы*, а также произведения, созданные в старообрядческой среде, связанные с историей раскола, отражающие догматику различных согласий и представления, характерные для старообрядческой картины мира. Установлено понимание термина *духовный стих* в качестве суммирующей дефиниции, интегрирующей образцы, разные по происхождению и жанрово-стилевым особенностям, но объединенные религиозной тематикой и бытованием за пределами богослужения.

Ключевые слова: духовный стих, стих, покаянный стих, псалма, исполнительская терминология, внебогослужебное духовное пение старообрядцев.

N. S. Murashova

Terminology symbols of spiritual verses in the Old Believers environment

To define the term “spiritual verse” the author studies its origin and development. Conceptual categories used in the Old Believers environment for the folkloric and book verses are systematized. As a result of the analysis of Old Believers terminology the author defined genre structure of the spiritual verse. It contains the folkloric verses of the early epic and the late lyric traditions, penitential verses and the “psalmy”, and works created in the Old Believers environment associated with the history of the schism, reflecting the different dogma concerts and performances, characteristics of the Old Believers' picture of the world. The article established understanding of the term "spiritual verse" as a summative definition that combines samples of different origin and genre and stylistic features, but united by religious themes and existence apart from worship services.

Keywords: spiritual verse, verse, penitential verse, psalma, performing and research terminology, outliturgic spiritual singing of Old Believers.

* Работа подготовлена в рамках проекта РГНФ № 15-04-00113-а

Среди создателей и исполнителей духовного стиха существует терминологическая вариативность для его обозначения. Она обусловлена регионом, средой бытования, происхождением и «возрастом» памятников, рукописной или устной формой передачи информации, особенностями функционирования, включающими ситуативную приуроченность конкретных произведений, наконец, субконфессиональной принадлежностью исполнителей. Попытаемся выявить обозначения, сложившиеся в старообрядческом словоупотреблении, так как старообрядцы, начиная с XVII в., являются основными носителями традиций внебогослужебного духовного пения.

В народной среде гораздо чаще, чем *духовные стихи*, фигурирует лексема *стихи*. Эту особенность подметил еще П. В. Киреевский: «...в народе песни духовного содержания называются “стихами”» [4, с. VII]. А. В. Марков и А. Л. Маслов во время экспедиции в Архангельской губернии в 1901 г. обратили внимание, что «на Терском берегу собственно былины, исторические песни и духовные стихи одинаково называются “стихами”, изредка лишь различаются “божественные стихи” от старин» [6, с. 5]. Современный исследователь В. П. Кузнецова указывает, что народное название – *стихи* (ударение на первый слог) – употребляется в Карелии [5, с. 241]. Таким образом, самоназвание *стихи* является исконным обозначением внебогослужебного духовного пения в народном словоупотреблении, что характерно и для старообрядческого лексикона.

Исполнителям духовного стиха важно подчеркнуть, что это не песня, рожденная мирской культурой, а иной вид художественного творчества. Стих выражает высшие духовные ценности, инициированные религиозными представлениями. Его функционирование зачастую обусловлено сакральными событиями (церковными праздниками, постами, погребально-поминальными обрядами и т. п.). Обозначение *стих* подчеркивает первенствующее значение поэтического, а не мелодического текста. Главное в стихе – содержание, смысл, тогда как в целом ряде песен мелодика выступает не менее, а то и более важным маркером в определении их жанровой специфики. Так что песни и стихи в старообрядческой среде выступают как культурные оппозиции, одна из которых репрезентирует мир профанный, а другая – сакральный.

В народный лексикон слово *стих* попало извне. По мнению П. А. Безсонова, оно «истекает из Древней Греции и Византии, из первых воззрений Православия» [1 с. 79]. В русском языке данная лексема получила распространение благодаря книге Стихирарь, в состав которой входил такой жанр богослужебного пения, как *стихира*. В этимологическом словаре М. Фасмера указывается, что церковнославянское слово *стихира* происходит от старославянского *стихера*, восходящего, в свою очередь, к греческому *στίχηρον* (многостишие), а в народной среде слово это бытовало как *стихер* [13, с. 761]. В настоящее время в некоторых регионах *стихером* называют образцы внебогослужебного духовного песнетворчества. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля *стихе(и)рник* – «слепой нищий, или вообще старик, знающий много народных стихеров или дум» [12, с. 535]. Именование нищих певцов *стихерниками* характерно для Русского Севера.

Рукописные собрания духовных стихов фигурируют в народной среде под названием *стихари* (у староверов-филипповцев Удмуртии), *стихарники* (у алтайских кержаков) и *стиховники* (повсеместно распространенный вариант для обозначения таких сборников). Слова *стихарь*, *стихарник* имеют явную близость со словом *стихирарь*. Кстати, в состав богослужебного Стихираря иногда включались внебогослужебные тексты – покаянные (прибыльные) стихи. Слово *стиховник* напоминает об одном из видов стихир – стихиры на стиховне (или стиховны), исполняющиеся на стихи псалмов, приуроченных к определенному дню или празднику. Судя по лексике, носители внебогослужебного духовного пения ощущают гораздо большую связь духовных стихов с богослужебными певческими традициями, нежели с мирской народно-песенной культурой.

В русской народной терминологии встречается целый ряд лексем, дифференцирующих определение образцов духовного песнетворчества. Так, Ф. М. Истомин отмечает, что в Вятской губернии «этот род песнопений <...> называется пропевами» [3, с. XII]. С. Е. Никитина указывает, что «в старообрядческих селах Верхокамья противопоставляются "старые духовные стихи" из традиционных рукописных сборников и "новые московские" – из печатных сборников начала века <...> Один и тот же стих <...> в одном регионе называется псалмой, а в другом стихом. Группа стихов, включаемая в похоронный обряд, в Белоруссии называется псалмами, а на Смоленщине поминальными стихами» [8, с. 39]. Также С. Е. Никитина отмечает, что в Бессарабии старообрядцы делят стихи на постовые и монастырские; в Полесье псалмы полешуков противопоставляются стихам старообрядцев; обозначения могут быть связаны с наличием письменной традиции (*псалмы* – в тетрадках, *стихи* – в памяти) [8]. По свидетельству Ю. А. Новикова, в Литве старообрядцы могут называть стихи *постовыми*, *подгрешными*, *жалостными* песнями [9]. Среди русских переселенцев Алтая встречаются следующие обозначения: *старины*, *псалмы*, *стихиры* [14, с. 81]. В Череповецком районе Вологодской области было зафиксировано народное название *божественные стихи* для образцов, имеющих обрядовую приуроченность. [10].

Еще одно наблюдение позволило заметить, что в старообрядческой среде лексемы *стих* и *духовный стих* могут распространяться на иные жанры. Так, Ю. А. Новиков отмечает, что «заговоры на Псковщине, как и в Литве, повсеместно называют стишками» [9]. Данный факт подчеркивает связь понятия «стих» с сакральной ситуацией. Здесь вступают в силу механизмы ситуативного интегрирования художественных текстов.

Но особенно часто терминологическое пересечение встречается в отношении духовного стиха, баллады, былины и исторической песни, то есть жанров эпического и лиро-эпического склада. Основанием их интеграции выступает стилистическая близость мелодики и поэтики. В этой связи М. В. Медведева отмечает, что на Русском Севере *стихами* нередко называют баллады, имеющие напевы декламационного характера [7, с. 4]. С. В. Федорова подтверждает ту же мысль: «духовные стихи и баллады объединялись исполнителями под названием *стихов* и практически не различались ими» [15]. С. Е. Никитина уточняет, что *стихами* на Севере называют баллады (например, о братьях-разбойниках и сестре или о

Василии и Софье), которые пелись во время постов [8]. В этом случае уже важен функциональный статус произведений.

Иногда образцы духовного песнетворчества, будучи соотнесенными с другими жанрами, получают их видовое обозначение. Довольно часто происходило смешение терминов *духовный стих* (в народной терминологии *стих*), *былина* и *историческая песня* (в народной терминологии *старини*). «Встречаются исторические песни, которые поются на мотивы былин, и былины, поющиеся на мотивы духовных стихов и обратно, в зависимости от того, к какому роду поющих причисляет данный текст – к “старине” или “стиху”», – пишут в «Материалах, собранных в Архангельской губернии» А. В. Марков, А. Л. Маслов и Б. А. Богословский [6, с. 7]. Б. Соколов по этому поводу указывает, что «в живом устном бытовании духовные стихи эпического склада (например, о Голубиной книге, об Егории Храбром, о Федоре Тироне, об Анике воине и др.) не отделяются от былин, идут под общим названием “старин”» [11, с. 607].

Таким образом, объединение иных жанров фольклора с духовными стихами может быть обусловлено функционированием последних: стихи у старообрядцев нередко исполняются в различных обрядовых ситуациях, в качестве заговоров они заменяют лирические досуговые песни. Причиной объединения может выступать стилистика (эпическая и лиро-эпическая), характерная для духовных стихов и соединяемых с ними жанров. Наконец, слияние может быть обусловлено особенностями реального бытования духовных стихов в исполнительской среде. Вот почему в некоторых изданиях духовные стихи помещаются вместе с былинами, историческими песнями, балладами, легендами, которые присутствовали в записываемом исполнительском репертуаре.

Среди старообрядцев для обозначения образцов внебогослужебного духовного пения нередко используется термин *псальма*. Изначально *псальмами* именовались многоголосные песни духовного содержания, попавшие на Русь из Европы в XVII в. в контексте распространения партесного стиля. В отличие от псалмов, певшихся во время церковных служб, псальмы предназначались для бытового исполнения. Отход от литургической практики привел к искажению лексемы. С одной стороны, наименование *псальма* свидетельствует о происхождении данного жанра от богослужебного пения, ведь поначалу *псальмами* обозначали только переложения текстов из Псалтири; с другой стороны, фонетическое переименование, по всей видимости, должно было продемонстрировать иную предназначенность возникших в пределах церковной традиции художественных текстов.

Распространялись псальмы через рукописные сборники, а также благодаря бродячим певцам, которые стали исполнять их вместе с фольклорными стихами. П. А. Безсонов, считая псальмы достоянием «высших слоев, письменности и печатной литературы», все же замечает, что они «не могли <...> не проникать к народу: они случайно слышались, иногда даже намеренно читались или пелись перед народом и для народа, попадались ему в рукописях, в печатной книжке. По случайности и частности сих явлений во всеобщее употребление народа они не проникли; при резком различии своем не вытеснили у народа подлинных его стихов <...>, они остались для народа «особою статьею». Но «по самой религи-

озности своего содержания <...> они привлекли внимание народа, затронули его любопытство, <...> исподволь проникали и в употребление» [1, с. 96-97]. Более всего псалмы распространились среди старообрядцев. Староверы, глубоко чтившие книжную культуру, имели особую расположенность к высокому поэтическому стилю.

Итак, терминологический анализ лексем, используемых старообрядцами для обозначения образцов внебогослужебного духовного пения, позволил сделать следующие выводы.

Во-первых, народные обозначения отражают процессы становления, развития, трансформации духовного песнетворчества, его жанрово-стилевого обогащения.

Во-вторых, они соответствуют сложному генезису духовного стиха как явления, возникшего на пересечении книжной и фольклорной традиций, в связи с чем его обозначения интегрируют и народные и книжные внецерковные духовные произведения. Ведь духовный стих обязан своим происхождением книжной христианской культуре. Его сюжеты и образы не существовали ранее в устной практике. Духовный стих возник на основе книжных знаний и уже потом, когда книжная информация укоренилась в народном сознании, он стал распространяться фольклорным способом, нередко адаптируя книжное содержание под привычные для народной среды формы. К XVII в. – времени расцвета внебогослужебного духовного пения – в устных стихах заметно усиливаются элементы книжного стиля. Поэтому провести разделительную грань между фольклорным и книжным духовным песнетворчеством не всегда представляется возможным. Как следствие, лексема *стих* стала применяться для всех без исключения образцов внебогослужебного духовного пения. Поводом к их объединению послужила религиозная тематика и лирическая форма творческого самовыражения. Как по этому поводу пишет Е. Е. Васильева: «Духовная лирика в пространстве традиционной культуры являет единство. Оно реализуется в многообразии форм, складывавшихся не одновременно» [2, с. 113].

В-третьих, народные названия могли отражать специфику бытования конкретных образцов, их приуроченность к определенным ситуациям. Из-за усеченного бытования некоторых мирских жанров в старообрядческой среде духовным стихам нередко приходилось брать на себя их функции, отсюда в практике словоупотребления старообрядцев встречается термин *стих* с уточняющим определением: *свадебный стих*, *похоронный стих*, *поминальный стих* и т. д. С уточняющим определением используется лексема *стих* и в случае приуроченности образцов внебогослужебного духовного пения к церковным праздникам: *рождественский стих*, *крещенский стих*, *благовещенский стих* и т. д.

Таким образом, народная терминология, сложившаяся в старообрядческой среде для обозначения различных по времени происхождения, отличающихся жанрово-стилевыми особенностями образцов внебогослужебного духовного пения, отражает осознание их единства, лексическим выражением которого служит обобщающий термин *духовный стих*. Его значение осмысливается старообрядцами как совокупность разножанровых и разностилевых музыкально-поэтических произведений религиозного содержания, исполняемых за пределами богослужения. В представлении старообрядцев категория *духовный стих*

объединяет фольклорные по происхождению стихи как эпического, так и лирического склада; покаянные (умиленные, слезные, прибыльные) стихи, сложившиеся в монастырской среде и проникшие оттуда в старообрядческий репертуар; духовные канты и псалмы, получившие развитие в книжной культуре XVII в. и оказавшие затем влияние на старообрядческое духовное песнетворчество; наконец, произведения, сложившиеся в старообрядческой среде, отражающие исторические события, связанные с расколом русской православной церкви, догматические особенности старообрядческих согласий, а также нравственно-этические представления, специфические для картины мира носителей древнего благочестия.

Литература

1. Безонов П. А. Русский народ и его творческое слово. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 608 с.
2. Васильева Е. Е. Никоновская (Новоиерусалимская) школа в контексте русской культуры XVII века // Человек верующий в культуре Древней Руси. – СПб.: Лемма, 2005. – С. 107-127.
3. Истомин Ф. М., Ляпунов С. М. Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 г. – СПб.: ИРГО, 1899. – 279 с.
4. Киреевский П. В. Русские народные песни, собранные Петром Киреевским. Ч. 1: Русские народные стихи // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1848. Вып. 9. – С. I-VII, 145-228.
5. Кузнецова В. П. Старообрядческие духовные стихи Карелии // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. – С. 241-248.
6. Марков А. В., Маслов А. Л., Богословский Б. А. Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. // Труды музыкально-этнографической комиссии. – М., 1911. Т. 2. – С. 1-116.
7. Медведева М. В. Духовные стихи русского народа. – М.: Русская песня, 1998. – 56 с.
8. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое самосознание. – М.: Наука, 1993. – 188 с.
9. Новиков Ю. А., Живое Слово: фольклор русских старообрядцев Литвы. – Вильнюс, 1999. – 146 с.
10. Праздники и обряды Череповецкого района в записях 1999 года. Календарные праздники и обряды. Похоронно-поминальные обряды. – Вологда: Областной научно-методический центр культуры, 2000. Режим доступа: http://www.booksite.ru/fulltext/1/001/001/083/poh_per/pohor.htm (дата обращения 20.11.2014).
11. Соколов Б. М. Духовные стихи // Литературная энциклопедия. – М., 1930. – Т. 3. – С. 607-613.
12. Стих // Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. – СПб.; М.: Товарищество М. О. Вольфа, 1909. Т. 4. – С. 535.
13. Стихира // Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1986. – Т. III. – С. 761.
14. Традиционная культура русских на Алтае (материалы фольклорных экспедиций 1982–2007 гг.): Усть-Коксинский район / сост. О. А. Абрамова, И. А. Сазонтов. – Барнаул: Фольклорный центр «Песнохорки», 2011. – 87 с.
15. Федорова С. В. Женские образы в духовном стихе о Егории Храбром (на материале севернорусских записей XIX-XX вв.). Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Fedorova.htm/>